

Научная статья

УДК 81.2.2

DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-128-141

## **Принципы словарного описания ульчского языка**

**Виктория Александровна Горбунова**

Институт филологии  
Сибирского отделения Российской академии наук  
Новосибирск, Россия  
vicgor89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2968-236X>

### *Аннотация*

Проведя обзор опубликованных ульчских словарей и словников, автор делает вывод о том, что в словарном описании ульчского языка до сих пор остаются значительные пробелы. Более полному представлению лексического фонда будет способствовать пересмотр принципов организации ульчско-русского словаря на макро- и микроуровне с учетом современного состояния языка и специфики его грамматической системы. В статье получают освещение основные аспекты словарного описания (выделение словарной единицы, объем и структуризация информации в рамках словарной статьи, упорядочение статей и выстраивание связей между ними и др.). В приложении автор представляет образцы словарных статей, выполненных в соответствии с предлагаемым подходом.

### *Ключевые слова*

ульчский язык, ульчско-русский словарь, двуязычные словари, лексикография

### *Для цитирования*

Горбунова В. А. Принципы словарного описания ульчского языка // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 128–141. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-128-141

© Горбунова В. А., 2022

ISSN 2307-1737

Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 128–141

Critique and Semiotics, 2022, no. 2, pp. 128–141

## Principles of Lexicographic Coverage of the Ulch Language

Viktoriya A. Gorbunova

Institute of Philology  
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences  
Novosibirsk, Russian Federation  
vicgor89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2968-236X>

### Abstract

The paper outlines basic principles of compiling the corpora and structuring a vocabulary entry for the prospective Ulch-Russian dictionary. The author presents an overview of the lexicographical materials related to the Ulch language that have been published in the 20<sup>th</sup> – 21<sup>st</sup> centuries. The conclusion is drawn that, due to the particular circumstances of the compilation and, sometimes, the intended functions (school instruction, comparative analysis), the existing dictionaries tend to have limited scope of lexicographical data in the entries and non-traditional approach to structuring components. In order to create a bilingual dictionary that covers the lexicon of the nearly-extinct Ulch language as much as possible while providing an appropriate summarization of phonetical, semantical, grammatical and pragmatic features for each lexical unit, a different approach is suggested.

The new strategy involves exploring and reworking a number of specific parameters. On the macro-level, issues related to the placement of collocations and phonetic variations of the lexemes, polishing the cross-reference system, discerning the lexical items that can belong to different grammatical classes but lack clear indicators, and organizing homonyms are discussed. On the micro-level, the author drafts out an entry structure consisting of several zones and comments on the contents of each one. In particular, points such as selecting canonical forms, using different types of labeling, properly representing the semantic structure by selecting and grouping the equivalents, illustrating the lexeme's pragmatic potential remain the focus of discussion.

The paper includes an appendix with samples of the entries for the Ulch-Russian dictionary composed following the stated principles.

### Keywords

Ulch language, Ulch-Russian dictionary, bilingual dictionary, lexicography

### For citation

Gorbunova V. A. Principles of Lexicographic Coverage of the Ulch Language. *Critique and Semiotics*, 2022, no. 2, pp. 128–141. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-128-141

Сборы лексического материала, попытки представления словарного запаса ульчей хотя бы во фрагментарном виде начинаются с самых ранних этапов изучения языка и культуры этноса. Уже первые, лаконичные и обобщенные, описания вербальной культуры ульчей по результатам экспедиций конца XIX – начала XX в. сопровождаются словарными приложениями с некоторым количеством лексических единиц [Логиновский, 1908; Плисудский, 2002; Lopatin, 1957; Schmidt, 1923]. Впоследствии исследование языка становится более глубоким и упорядоченным, появляются собственно научные грамматические очерки, которые также сопровождаются расширенными и структурированными ульческо-русскими словариками [Петрова, 1936; Суник, 1985; 1987].

Лексикографическое описание ульчского языка продолжается и на современном этапе по большей части в виде составления небольших учебных словарей [Ангина, 2005; Вальдю, 2005], отвечающих острой потребности в передаче языкового наследия новому поколению ульчей. Продолжается также и начатая в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» [1975] работа по исследованию ульчской лексики в структуре более обширного, общетунгусского лексикона [Kazama, 2003].

Тем не менее, несмотря на вековую историю документирования словарного состава ульчского языка, задача создания полного ульческо-русского словаря остается актуальной и в настоящее время. Перечисленные выше издания предоставляют ценнейший лексический материал и создают базу для дальнейшего описания исчезающего ульчского языка, который может оказаться полностью утраченным в ближайшие десятилетия. Вместе с тем словарные статьи в них по большей части характеризуются лаконичностью, не позволяющей в должной мере ознакомить читателя с ключевыми грамматическими и смысловыми особенностями лексемы и тем, как они проявляются в речи. Ульческо-русский словарь, охватывающий лексический фонд с предельной полнотой и дающий развернутую характеристику каждой единицы, способствовал бы сохранению сведений об облике языка, которые могли бы быть полезны как для лингвистов, так и, при оптимистичном сценарии развития языковой ситуации, для носителей, желающих усовершенствовать свои навыки владения языком. В перспективе сформированный расширенный словарь также мог бы стать основой для составления русско-ульчского словаря, который был бы особенно востребован на начальных этапах ревитализации [Озолиня, 2018, с. 86].

Целью данной работы является разработка структуры ульчско-русского словаря нового типа на микро- и макроуровне.

Одна из первостепенных проблем, которые встают перед составителем при разработке макроструктуры национально-русского словаря, связана с принципом формирования словника и критериями выделения словарной единицы. Описание слабо изученного миноритарного языка ставит перед исследователями особый круг задач, который вынуждает их в некотором отношении отступать от канонических норм составления академического словаря. Так, в отборе лексики в опубликованных ульчских словарях прослеживается экстенсивный подход, который подразумевает включение в корпус всех зафиксированных единиц независимо от степени их распространенности или сферы употребления. В то же время стремление к максимальному охвату приводит и к тому, что в роли вокабулы в этих изданиях нередко выступают единицы, выходящие за пределы лексического уровня языка: устойчивые выражения, нелексикализованные словосочетания, отдельные словоформы.

На наш взгляд, стратегия предельно широкого инкорпорирования доступного лексического материала вполне оправдана, однако требует продуманной структуризации материала. Оптимальным представляется принятие лексемы как центрального объекта словарного описания, вокруг которого группируются все прочие единицы. Такой подход, с одной стороны, препятствует отображению языковых фактов в разрозненном, изолированном виде, а с другой – дает более детальное представление о каждой лексической единице языка, демонстрируя особенности ее реализации на разных уровнях и в разных аспектах.

Чтобы надлежащим образом представить лексический уровень ульчской языковой системы, требуется не только отражение лексикона в словнике в полном объеме, но также и фиксация тех лексических связей, которые складываются между конкретными единицами. По этой причине важным компонентом макроструктуры словаря является система отсылок, отражающих связи между словами и позволяющих рассматривать их функционирование не обособленно, но в рамках единой лексической системы. По большей части в отсылках находят выражение связи парадигматического типа.

В целях упрощения работы со словарем для читателя предполагается последовательное использование определенных маркеров для обозначения той или иной разновидности отношений между лексическими единицами, как, например:

*также* маркирует отношения полной синонимии;  
*сх.* (схожее) маркирует отношения частичной синонимии;  
*ср.* (сравните) маркирует отношения частичной синонимии, выводя на первый план различия в семантике;  
*против.* (противоположное) маркирует отношения антонимии;  
*то же* маркирует отношения фонетической и морфемной вариативности;  
*см.* (смотрите) используется в случаях, когда лексемы не связаны парадигматическими отношениями, но семантика одной из них раскрывается полнее при обращении к толкованию другой (например, если они называют типичные элементы одной ситуации).

В отличие от прочих типов помет, для отсылок не предусматривается фиксированного положения внутри словарной статьи; их размещение определяется тем, какие именно ее составляющие требуют пояснения или могут быть соотнесены с дополнительными сведениями, ознакомление с которыми рекомендовано читателю.

Особо следует оговорить лексикографическое представление отношений омонимии. В ульчском языке можно выделить омонимы двух разновидностей. К первому типу относятся пары лексем, полная идентичность фонетической оболочки у которых носит случайный характер. Смысловое наполнение в таких парах не обнаруживает значительного сходства, а категориальная принадлежность может совпадать или не совпадать. Для омонимов данного типа словарное описание оформляется в соответствии с классическим образцом: каждый из них выносится в отдельную статью с нумерацией римскими цифрами.

Омонимы второго типа возникают в результате характерного для тунгусо-маньчжурских языков грамматического явления, которое исследователи называют синкретизмом основ или конверсивностью. Оно заключается в способности ряда знаменательных слов обладать «изначально, на уровне языка... не одним, а несколькими категориальными или общеграмматическими значениями... реализуя в речи или определенном контексте одно из <них>» [Болдырев, 2007, с. 54]. В словаре лексема предстает как языковая единица во всей полноте своих семантических и грамматических возможностей; соответственно, все потенциальные категориальные значения должны находить отражение в ее описании. Разнесение последних по отдельным статьям затемнило бы своеобразие синкретичных основ, предполагающее сосуществование взаимоисключающих частеречных характе-

ристик внутри одной лексической единицы. С другой стороны, оформление реализаций разной категориальной принадлежности аналогично набору лексико-семантических вариантов (далее ЛСВ) слова (подход, примененный в ряде ульчско-русских словарей) также недостаточно отчетливо обозначает специфичность явления. Оптимальным представляется следующая модель презентации:

1) объединение потенциальных реализаций синкретичных основ под одним заглавным словом;

2) введение для них отдельного вида маркировки, например системы нумерации, которая не дублировала бы обозначения, принятые для омонимов и ЛСВ;

3) включение помет с эксплицитным указанием частеречной принадлежности для каждой реализации.

Разработка микроструктуры словаря требует определения объема лексикографической информации, предоставляемой для каждой словарной единицы, а также конструирования модели словарной статьи. С нашей точки зрения, типовая структура, представленная в большинстве ульчско-русских словарей [Петрова, 1936; Суник, 1987; Вальдю, 2005], включающая вокабулу, перевод и в некоторых случаях лексикографические пометы, нуждается в существенном расширении. Предлагаемая нами дополненная модель словарной статьи складывается из следующих компонентов: зона заглавного слова; зона помет, зона толкования; зона иллюстративного материала и зона фразеологии. Содержание каждой из зон будет подробно рассмотрено ниже.

Словарная статья начинается с **зоны заглавного слова**, в которой размещается лексический ввод в словарной форме. Для лексем, словоизменение которых осуществляется по типу склонения (существительные, часть местоимений и числительных), словарной является непритяжательная форма именительного падежа единственного числа. Вопрос о словарной форме глаголов решается в тунгусоманьчжуроведении неоднозначно. В части словарей в качестве вокабулы используются глагольные формы, максимально приближенные к русскому инфинитиву [Оненко, 1980; Суник, 1987; Роббек В., Роббек М., 2005; Вальдю, 2005], в других – глагольные основы [Петрова, 1936; Болдырев, 2000; Озолия, 2011]. При моделировании словарной статьи нового типа мы придерживаемся второго из этих подходов. С нашей точки зрения, появление большого числа омонимов в результате подобного оформления, что О. П. Суник отмечает как

недостаток последнего, способствует более полному отражению в словаре лексико-грамматического потенциала конверсивных основ.

В ульчском языке широко представлены различные типы вариативности (фонетическая, морфемная, словообразовательная). Все имеющиеся варианты вокабулы перечисляются в зоне заглавного слова. Если доступны статистические сведения о частотности единиц, в качестве основного варианта, стоящего первым в ряду, выступает наиболее употребительный; прочие приводятся в скобках, в порядке от регулярно используемых к окказиональным. Если установить частотность употребления не представляется возможным, варианты выстраиваются в алфавитном порядке.

**Зона помет** занимает место после зоны лексического ввода и служит для размещения набора стандартизированных маркеров, указывающих на характеристики лексемы или ЛСВ, проявляющиеся на разных уровнях (грамматические, лексические, семантические, прагматические и др.). У многозначных слов она может дробиться – специфические для конкретного ЛСВ пометы перечисляются сразу после его номера, перед толкованием.

Грамматические пометы могут относиться как к парадигматическим, так и к синтагматическим особенностям слова. При помощи первых отмечаются те случаи, когда парадигма лексемы отличается от каноничной, в особенности если эта специфика отражается непосредственно в лемме. Так, для существительных к особенностям, кодифицирующимся на лексикографическом уровне, относятся, например, отсутствие формы единственного числа или непритяжательной формы. Синтагматические особенности находят отражение в комментариях о том, в какой синтаксической позиции может выступать лексема (например, *обращение*) и какие ограничения в сочетаемости ей свойственны (*после...*, *только с...*).

Указание на частеречную принадлежность лексемы не является обязательным компонентом словарной статьи. Для знаменательных слов (за исключением конверсивных основ, которые рассматривались выше) эта информация предоставляется имплицитно, через характеристики эквивалента, который подбирается в строгом соответствии с категориальным значением оригинала. Однако некоторые разновидности самостоятельных слов, которые в силу типологических различий двух языковых систем зачастую не могут быть переданы средствами русского языка точно, без искажения лексико-грамматических характеристик, требуют прямого указания на часть речи. К ним относятся изобразительные слова (*изобр.*), звукоподражания (*звукоподр.*), междометия (*междом.*), послелогии (*послелог*).

При составлении тунгусо-маньчжурских словарей исследователи широко применяют лексические пометы, указывающие на отнесенность лексемы к одной из нескольких базовых тематических групп: *анат.* – анатомическое (наименования частей тела), *бот.* – ботаническое (наименования растений и деревьев), *зоол.* – зоологическое (наименования животных), *рит.* – ритуальное (обрядовая лексика). Соответствующие группы широко представлены также и в ульчском лексическом фонде, что делает данный набор помет актуальным.

Семантические пометы используются для указания на место ЛСВ в иерархической структуре (*перен.* – переносное значение слова), выделения онимов (*собств.* – имя собственное), а также в тех случаях, когда в категориальном значении слова происходят сдвиги, не ведущие, однако, к образованию новой, автономной лексической единицы (*в знач.* – в значении...).

Прагматические маркеры в словарной статье, во-первых, определяют типичные ситуации употребления лексемы, во-вторых, характеризуют тип ее экспрессивно-эмоциональной окрашенности. К первой разновидности относятся пометы *фольк.* – фольклорное (для лексем, фигурирующих в устном народном творчестве, но не в бытовой речи) и *шам.* – шаманское (для лексем, которые употребляются только в определенных ритуальных формулах). Вторую группу образуют пометы типа *пренебр.* – пренебрежительное, *бран.* – бранное, *ласк.* – ласкательное, *почт.* – почтительное.

В опубликованных словарных материалах по ульчскому языку также представлен ряд помет, описывающих положение той или иной единицы в лексической системе (например, *устар.* – устаревшее, *малоупотр.* – малоупотребительное). На сегодняшний день включение в состав статьи актуальных сведений такого рода крайне затруднено. За последние десятилетия база носителей ульчского языка значительно сократилась, а уровень языковой компетентности снизился [Горбунова, 2019, с. 104], что осложняет выявление общих закономерностей в выборе лексических средств на уровне этноса. Определить состав пассивного словаря языка, находящегося на грани исчезновения, едва ли возможно, поэтому сохранение соответствующих помет не представляется целесообразным.

Аналогичным образом значительную сложность на данном этапе представляет корректное применение пометы *нов.* – новое. Как отмечает О. П. Суник, уже во второй половине XX в. наблюдалось активное внедрение в ульчскую речь русских слов, причем степень их фонетической и морфологической адаптации варьировала, в том числе и в зависимости



от того, к какому демографическому срезу относился говорящий [Суник, 1985, с. 65]. Дальнейшее укрепление преобладающей роли русского языка в коммуникативном поле этноса способствует усилению интерференции, размывающей границы между полноценным заимствованием и спорадическим употреблением единиц доминантного языка для заполнения лакун – маркером регрессивного билингвизма.

Наконец, для отдельных лексических единиц могут быть актуальны этимологические пометы. Информация о происхождении слова является опциональной в переводном словаре. Однако маркирование заимствований, инкорпорированных в лексическую систему в разные периоды в результате регулярных межэтнических контактов (с негидальцами – *негид.*, ороками – *орок.*, эвенками – *эвенк.*, китайцами – *кит.*, маньчжурами – *ма.*, тюрками – *тюрк.*, монголами – *мо.* и др.), сообщает ценные сведения о составе лексикона в целом и бытовании ульчского языка в дальневосточном лингвистическом ландшафте.

В **зоне толкования** представлено изложение смыслового наполнения лексической единицы. Составление толкований ульчских лексем основывается преимущественно на методе подбора семантических эквивалентов из русского языка, при необходимости сопровождающихся уточняющими комментариями (приводятся курсивом, в скобках, в постпозиции). В случаях, когда определяемая лексема референтна предмету (названия средств передвижения, построек, блюд, способов промысловой деятельности, объектов культа) или абстрактному понятию (наименования мифологических существ, космологических пространств, религиозных практик), которые не имеют соответствий в русской языковой картине мира, ее значение определяется через развернутое описание.

Важную роль при толковании таких единиц могут играть также отсылки к словарным статьям со связанными понятиями. Так, чтобы воссоздать значение глагола *уразуву*, называющего особый способ музицирования, необходимо иметь представление о строении музыкального инструмента *узазунун*, который, в свою очередь, является принадлежностью одного из ритуалов праздника *буйумбэ хупуву*. Создание подобных лексических сетей, в расщепленном виде представляющих полный набор сведений о том или ином культурном феномене, способствует формированию необходимого этнографического контекста и преодолению лингвокультурных барьеров.

В опубликованных словарных материалах для некоторых лексем толкования приводятся в виде нерасчлененного семантического поля, объеди-

няющего в себе неоднородные смысловые компоненты, вероятно, относящиеся к разным значениям, например: *балдаву* (*бладилву*, *балдуву*) ‘родиться, расти, жить, находиться’; *отйтақа(н)* ‘немножко, чуть-чуть, кратко, понемногу’ [Суник, 1985, с. 222]; *алу* ‘незаконченный, неспелый’ [Вальдю, 2005, с. 5]. Подобные случаи требуют дополнительного анализа, который позволил бы разграничить соответствующие ЛСВ и представить семантику слова в структурированном виде.

Систематизация внутреннего содержания лексической единицы в словарной статье помимо выделения всех актуальных ЛСВ предполагает также определение порядка их следования. Иерархия значений должна выстраиваться в соответствии с ходом развития семантической структуры слова. Первичные и вторичные, исходные и производные значения могут определяться по нескольким типам критериев: семантическим (представленность в смысловой структуре слова процессов метафоризации или метонимизации), компаративным (наличие соответствий только для некоторых из ЛСВ в близкородственных языках или праязыке), статистическим (значительная разница в частотности тех или иных значений слова).

Особого внимания заслуживает **иллюстративная зона**, которая до сих пор не включалась в структуру словарной статьи ни в одном из перечисленных ульчско-русских словарей. Иллюстративная зона следует за зоной толкования, предоставляя контекст (или набор контекстов), который показывает, как лексическая единица функционирует непосредственно в живой речи. При описании многозначных слов иллюстрирующие контексты должны приводиться для каждого ЛСВ в отдельности, перемежая толкования. Презентация лексемы или ЛСВ в составе синтаксической конструкции позволяет представить их с максимальной полнотой, в единстве семантических, грамматических, синтаксических и функциональных характеристик. Материалы данной зоны могут отражать нерегулярность отдельных грамматических форм в парадигме, полнее обрисовывать сочетаемостные свойства и ограничения, демонстрировать актуализацию различных семантических признаков. Всё это особенно значимо для вымирающего миноритарного языка, свободное изъяснение на котором часто вызывает затруднения даже у немногочисленных носителей.

Замыкает словарную статью **зона фразеологии**, заключающая в себе перечень устойчивых словосочетаний, в которых фигурирует описываемое слово. В эту зону попадают только фразеологические единицы, значение которых целостно и не выводимо из семантики компонентов. Регулярно воспроизводимые обороты, речевые штампы относятся к иллюстративной

зоне. Устойчивые сочетания могут сопровождаться не только толкованием, но и буквальным переводом, который яснее отражает грамматическую специфику конструкции и в некоторых случаях (для фразеологических единств и сочетаний) обнажает механизм формирования идиоматического значения.

Описанные принципы выстраивания макро- и микроструктуры словаря представляются основополагающими для составления полного, структурированного лексикографического описания ульчского языка, имеющего ценность как в качестве лингвистического источника, так и для прикладных целей консервации и ревитализации.

Приведем образцы оформления словарных статей ульчско-русского словаря.

**амба(н) (амба)** фолькл. злой дух, черт, дьявол, леший: эс мин хагдунти амба қалахан теперь на мой дом злой дух напал;

♦ амбамба бақаву сойти с ума (букв.: найти злого духа); сх. ҳаумба бақаву;

♦ амба(н) н'ини на злого духа похожий человек (букв.: чертов человек);

♦ амба(н) солзини название дикорастущего растения со съедобными листьями;

♦ амба(н) туйқтэни название несъедобных ягод (букв.: чертовы ягоды);

♦ амба(н) хостани название звезды.

**амба(н) II** тигр (см. дүсэ(н)): дәи амбава вāхаси главного тигра ты убил.

**амба(н) III** довольно, достаточно, весьма: амба(н) городу бини далеко находится.

**бā I 1)** место, местность: сну гарпини, сну тукини алдандун бā би где солнце всходит, где солнце заходит, в промежутке – наша земля

2) мир, вселенная: бā дблони во всей вселенной, во всем мире (сх. бā тэдуни);

♦ бā орони животные земли, земные существа (сх. оро(н) I)

**бā II 1)** небо: бā час очуха(н) небо ясным стало

♦ бā н'арини небесная заря, светлая полоса на небе

2) погода: бā бāдила-бāдила осини погода хуже и хуже становится.

**бавлус** *междом., фольк.* восклицание, с которым обращаются друг к другу животные: **аудамсе, бавлус, дуэнтэмсиэ, бавлус!** луговые, эй, таежные, эй!

**байа(н)** 1. *прил.* богатый; **ум зоби мапази, байа мапази балдиха** один бедный старик и богатый старик жили

2. *сущ.* 1) богач; би-дэ, ти айа, вэндин ти байа «**И я так сделаю**», – **говорит тот богач.**

2) (*с притяж. аффиксом*) богатство.

**балда-** (**балди-, балду-**) 1) родиться: **си эси балдиханзи-лэ хал-да энэзи пукоро** ты, если и снова родишься, всё-таки никогда не прыгнешь';

2) расти: **балди пурулбэ-дэ эй-кэ сантавчуйе, эй-кэ урэвчуйе** растущих детей вот так воспитаю, вот так вырашу

2) жить, находиться: **тэн ум пиктэ эмкэ балдихани ум хагдунду** в одном доме только один ребенок одиноко жил.

**гийар-гийар** *изобр.* блестя, сверкая (об острых блестящих предметах).

#### Список литературы

- Ангина С. В. Ульчско-русский тематический словарь. СПб., 2005.
- Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка. Новосибирск, 2007. 932 с.
- Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск, 2000. Ч. 1. 503 с.; Ч. 2. 483 с.
- Вальдю Г. Г. Ульчско-русский словарь. Богородское, 2005.
- Горбунова В. А. Ульчский язык: современное состояние и перспективы изучения // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2019. № 1 (37). С. 103–110. DOI 10.25205/2312-6337-2019-1-103-110
- Логинский К. Д. Об экспедиции // Зап. Об-ва изучения Амурского края. Владивосток, 1908. Т. 12. С. 29–33.
- Озолина Л. В. Орокско-русский словарь. Новосибирск, 2011. 422 с.
- Озолина Л. В. О составлении двуязычных словарей (на материале русско-орокского словаря) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 2. С. 185–195.
- Оненко С. Н. Нанайско-русский словарь. М., 1980. 552 с.
- Петрова Т. И. Ульчский диалект нанайского языка. М.; Л., 1936.
- Плисудский Б. Материалы по языку ульчей (мангунов), собранные в 1904 г. / Под ред. Л. В. Озолини. Стеншев, 2002. 158 с.

Роббек В. А., Роббек М. Е. Эвенско-русский словарь. Новосибирск, 2005. 356 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю / Под ред. В. И. Цинциуса. Л.: Наука, 1975. Т. 1. 672 с.; Т. 2. 992 с.

Суник О. П. Ульчский язык: исследования и материалы. Л., 1985.

Суник О. П. Словарь ульчско-русский и русско-ульчский. Л., 1987. 238 с.

Kazama S. Basic vocabulary (A) of Tungusic languages. Osaka, ELPR, 2003.

Lopatin I. A. Material on the Orochee Language, the Goldi (Nanai) Language, and the Olchi (Nani) Language. Posieux; Fribourg, Anthropos Institute, 1957.

Schmidt P. The language of the Olchas. Acta Universitatis Latviensis. Riga, 1923.

#### References

Angina S. V. Ul'chsko-russkiy tematicheskii slovar' [Ulch-Russian thematic dictionary]. St. Petersburg, 2005. (in Ulch and Russ.)

Boldyrev B. V. Morfologiya evenkiyskogo yazyka [Morphology of the Evenki language]. Novosibirsk, 2007. 932 p. (in Russ.)

Boldyrev B. V. Evenkiysko-russkiy slovar' [Evenki-Russian dictionary]. Novosibirsk, 2000, pt. 1, 503 pp.; pt. 2, 483 pp. (in Evenki and Russ.)

Gorbunova V. A. Ul'chskiy yazyk: sovremennoe sostoyanie i perspektivy izucheniya [The Ulch language: current state and research prospects]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*, 2019, no. 1 (iss. 37), pp. 103–110. DOI 10.25205/2312-6337-2019-1-103-110

Kazama S. Basic vocabulary (A) of Tungusic languages. Osaka, ELPR, 2003.

Loginovsky K. D. Ob ekspeditsii [Regarding the expedition]. In: Zapiski Obshchestva izucheniya Amurskogo kraya [Records of the Amurskiy kraj studies society]. Vladivostok, 1908, vol. 12, pp. 29–33. (in Russ.)

Lopatin I. A. Material on the Orochee Language, the Goldi (Nanai) Language, and the Olchi (Nani) Language. Posieux; Fribourg, Anthropos Institute, 1957.

Onenko S. N. Nanajsko-russkiy slovar' [Nanai-Russian dictionary]. Moscow, 1980, 552 pp. (in Nanai and Russ.)

Ozolinya L. V. O sostavlenii dvuyazychnykh slovarej (na materiale russko-orokskogo slovarya) [On compiling the corpora of bilingual dictionaries (based on Russian-Orok dictionary)]. *Siberian Journal of Philology*, 2018, no. 2, pp. 185–195. (in Russ.)

Ozolinya L. V. Orokско-russkiy slovar' [Orok-Russian dictionary]. Novosibirsk, 2011, 422 pp. (in Orok and Russ.)

Petrova T. I. Ul'chskiy dialekt nanayskogo yazyka [The Ulch dialect of the Nanai language]. Moscow, Leningrad, 1936. (in Russ.)

Plisudski B. Materialy po yazyku ul'chej (mangunov), sobrannye v 1904 g. [Materials for the study of the Ulcha (Mangun) language (collected in 1904)]. Ed. by L. V. Ozolinya. Stęszew, 2002, 158 p. (in Russ.)

Robbek V. A., Robbek M. E. Evensko-russkiy slovar' [Even-Russian dictionary]. Novosibirsk, 2005. 356 p. (in Even and Russ.)

Schmidt P. The language of the Olchas. Acta Universitatis Latviensis. Riga, 1923.

Sunik O. P. Slovar' ul'chsko-russkij i russko-ul'chskij [Ulch-Russian and Russian-Ulch dictionary]. Leningrad, 1987, 238 p. (in Russ.)

Sunik O. P. Ul'chskiy yazyk: issledovaniya i materialy [The Ulch language: studies and materials]. Leningrad, 1985. (in Russ.)

Tsintsius V. I. (ed.). Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov. Materialy k etimologicheskomu slovarju [Comparative dictionary of Manchu-Tungus languages. Materials for the etymological dictionary]. Edited by Vol 2. Leningrad, 1977, vol. 1, 672 p.; vol. 2, 992 p.

Valdyu G. G. Ul'chsko-russkiy slovar' [Ulcha-Russian vocabulary]. Bogorodskoe, 2005. (in Russ.)

### **Информация об авторе**

*Виктория Александровна Горбунова*, кандидат филологических наук  
WoS Researcher ID AAC-7268-2022

### **Information about the Author**

*Viktoriya A. Gorbunova*, Candidate of Sciences (Philology)  
WoS Researcher ID AAC-7268-2022

*Статья поступила в редакцию 01.02.2022;  
одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 15.03.2022  
The article was submitted 01.02.2022;  
approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 15.03.2022*